

А. Ю. Митрофанов

Гуннская царица Боа и Юстиниан: Христианизация за кулисами дипломатического протокола

УДК 94(495)*05"

DOI 10.47132/1814-5574_2022_3_249

EDN TRYNQH

Аннотация: В статье исследуется сообщение византийского хрониста Иоанна Малалы (ок. 491–578) о союзном договоре, заключенном в 527/528 г. между императором Юстинианом I (527–565) и царицей гуннов-сабиров Боа и направленном против гуннов, которые были союзниками персов. Автор рассматривает этот договор в контексте истории христианизации приазовских гуннов, которую сообщает Иоанн Малала. Автор ставит вопрос о возможном участии императрицы Феодоры, жены Юстиниана, в этой христианизации. Опираясь на исследования современных синологов и на собственные аргументы, автор доказывает сяньбийское происхождение царицы Боа и высказывает предположение о буддизме сабиров и приазовских гуннов, подвергшихся безуспешной попытке христианизации. Автор полагает, что договор Юстиниана и Боа стал важным дипломатическим прецедентом, на который спустя век опирался император Ираклий (610–641), который заключил союз с западно-тюркским каганом Тун-Джабгу (618–630) против персов и организовал брак кагана со своей дочерью от первого брака августой Епифанией.

Ключевые слова: гунны, сабиры, сяньбийцы, Боа, Юстиниан, Феодора, христианизация, Ираклий, Епифания, Тн-Джабгу, каган.

Об авторе: **Андрей Юрьевич Митрофанов**

Доктор исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви.

E-mail: non-recuso-laborem@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

Для цитирования: Митрофанов А. Ю. Гуннская царица Боа и Юстиниан: Христианизация за кулисами дипломатического протокола // Христианское чтение. 2022. № 3. С. 249–260.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2022

Andrey Y. Mitrofanov

**The Hunnic Queen Boa and Justinian:
Christianization behind the Scenes
of Diplomatic Protocol**

UDK 94(495)"05"

DOI 10.47132/1814-5574_2022_3_249

EDN TRYNQH

Abstract: The article examines the message of the Byzantine chronicler John Malalas (ca. 491–578) about the treaty of alliance concluded in 527/528 between Emperor Justinian I (527–565) and the Queen of the Huns-Sabirs Boa, which had been directed against the Huns, who were the allies of the Persians. The author considers this agreement in the context of the history of the Christianization of the Azov Huns, which is reported by John Malalas. The author raises the question of the possible participation of Empress Theodora, the wife of Justinian, in this Christianization. The author, relying on the research of modern sinologists and his own arguments, proves the Xianbei origin of Queen Boa and suggests that the Sabirs and the Azov Huns were Buddhists who underwent an unsuccessful attempt to convert to Christianity. The author believes that the treaty of Justinian and Boa became an important diplomatic precedent, on which a century later Emperor Heraclius (610–641) relied when he concluded an alliance with the Western Turkic Khagan Tun-Jabgu (618–630) against the Persians and arranged the marriage of the Khagan with his daughter from his first marriage, Augusta Epiphania.

Keywords: Huns, Sabirs, Xianbians, Boa, Justinian, Theodora, Christianization, Heraclius, Epiphania, Tun-Jabgu, Khagan.

About the author: **Andrey Yurievich Mitrofanov**

Dr. Habil. of History, Researcher at St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church.

E-mail: non-recuso-laborem@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

Article link: Mitrofanov A. Yu. The Hunnic Queen Boa and Justinian: Christianization behind the Scenes of Diplomatic Protocol. *Khristsianskoye Chteniye*, 2022, no. 3, pp. 249–260.

Византийский хронист Иоанн Малала в своей «Хронографии» отметил одно весьма интересное событие, датированное годом воцарения императора Юстиниана I (527–565). Малала был сирийцем, писал по-гречески и стремился вслед за Евсевием дать читателю целостное христианское представление о всемирной истории и географии. С этой точки зрения не удивительно, что внимание Малалы привлек эпизод, вероятно, заимствованный им из официальных источников константинопольского происхождения, представлявших собой выдержки из дипломатических документов. Малала сообщает [Ioan. Mal. XVIII. 13], что в 527/528 г., т.е. в год восшествия Юстиниана на римский престол, царица гуннов Боа (Βόα ῥήγισσα), вдова гуннского царя Блахы (Βλάχ) [PLRE III A, 234], имевшая от него двух сыновей, после смерти мужа управляла стотысячной ордой гуннов-сабиров. Юстиниан подарил гуннской царице много одежды из императорского гардероба, серебряной посуды, вероятно, известных миссориев, и немало денег и натравил ее на двух гуннских предводителей — Тюрангса (Τύρανξ) и Глома (Γλῶμ), которые заключили союз с персидским шахом Кавадом (488–496, 499–531). Царица во главе дружины настигла двадцатитысячное войско Тюрангса и Глома, направившееся к Каваду в Персию, и наголову его разгромила. Тюрангс был взят в плен и отправлен Боа в подарок Юстиниану, который приказал повесить пленника на левом берегу Золотого Рога возле церкви св. Конона, а Глом пал в бою.

Возможно, результатом этой операции стали следующие события, описанные Малалой ниже [Ioan. Mal. XVIII. 14]. В том же году Грод (Γρόδ), вождь гуннов, обитавших в районе Боспора, прибыл в Константинополь и принял там крещение. Причем восприемником новокрещаемого был сам император, который щедро одарил гуннского вождя и повелел ему охранять Боспор и римскую границу в степном Крыму. Грод вернулся в приазовские степи и убедил своего брата Мугела (Μούγελ) также перейти в христианство. Малала бесхитроно раскрывает мотивы подобного обращения гуннских вождей: братья приказали переплавить гуннских идолов из серебра и электра для последующего обмена этих драгоценных металлов на Боспорском рынке на миллиарисии. Гуннские языческие «иереи» пришли в ярость и убили Грода, сделав брата его преемником. Затем они захватили Боспор и перебили местный гарнизон. Узнав об этом, Юстиниан сконцентрировал в Иероне на берегу Босфорского пролива эскадру, которая состояла из кораблей, перевозивших готских солдат во главе с почетным консулом Иоанном [PLRE III A, 625–626], получившим должность комита проливов. Затем он, вероятно, усилил эту эскадру и отправил всю экспедицию в Крым, во главе с экзархом, по морю, в то время как по суше на Боспор начала наступление армия под командованием Бадуария. В итоге гунны оставили Боспор и бежали в степи. Рассказывая об этом эпизоде, Малала включает в повествование историю основания Боспора, возможно, заимствованную из местных Боспорских хроник, согласно которой основателем города был Геракл, прибывший из Испании вместе с отрядом испанских воинов и обязавший жителей-римлян платить дань быками. Как тут не вспомнить о традиции корриды, которая, вероятно, существовала в Испании еще во времена кельтиберов? Рассказ Малалы повторяется в последующей традиции: в сохранившейся благодаря древнеэфиопскому переводу хронике коптского епископа Иоанна Никиусского [Ioan. Nic. 90. 61–5], у Феофана [Theoph. AM 6020] и у позднего хрониста Георгия Кедрина [Cedr. I. 644].

Чем же была примечательна гуннская царица Боа? Иоанн Никиусский добавляет к рассказу Малалы некоторые романтические подробности. В частности, коптский епископ пишет, что не Юстиниан подкупил гуннскую царицу, а сама Боа (Wārāks) отправилась в Константинополь и привезла императору богатые подарки: золото, серебро и драгоценные камни, после чего получила приказ атаковать своих соседей, ставших персидскими союзниками. Боа, таким образом, изображается данником и федератом Империи, что, конечно же, не соответствовало действительности. Затем Иоанн Никиусский со свойственной ему кровожадностью описывает казнь пленного гуннского вождя Тирангса, утверждая, что он был не просто повешен, а привязан к виселице и распят по приказу Юстиниана. Феофан уточняет рассказ Малалы, указывая

на то, что Боа уничтожила отряд Тюрангса и Глома, когда они направлялись к Каваду «через ее владения». В связи с этим логично предположить, что Боа контролировала степи в предгорьях Северного Кавказа, точнее — долину Терека и Ногайскую степь, ибо именно через эти территории пролегал путь к Дербентскому проходу — наиболее удобному способу оказаться в Персии, минуя Кавказские горы. Дарьяльское ущелье, вероятно, было для Тюрангса и Глома недоступно, ибо охранялось аланами — союзниками Восточной Римской империи. Подобная локализация «владений», а лучше сказать, кочевий Боа совпадает с тем, что нам известно о расселении гуннов-сабиров из других источников.

Малала в сообщении за 515 г. поместил известие о том, что сабиры прошли через Каспийские врата, т.е. Дербентский проход, и продвинулись вплоть до Каппадокии, разоряя все на своем пути [Ioan. Mal. XVI. 17]. Сведения об этом походе сабиров содержатся также у Феофана в сообщении за 516/517 г., который уточняет сообщение Малалы и пишет, что сабиры прошли через Каспийские врата, т.е. Дербентский проход, вторглись в Армению, опустошили Каппадокию, Галатию и Понт и дошли до Евхатмы [Theoph. AM 6008]. Правительство одряхлевшего императора Анастасия (491–518) не могло им никоим образом воспрепятствовать. Следовательно, степи Западного Прикаспия и Дербентский проход были хорошо известны сабирам уже за десять лет до воцарения Юстиниана и описываемых событий. Римский историк V в. и известный дипломат Приск Панийский отмечал, что в 463 г. сабиры, изгнанные аварами, захватили степные территории племен сарагуров, урогов и оногуров — кочевых племен, возможно, входивших в сферу влияния державы Атиллы [Prisc. Pan. HG, 30]. Замечание Приска имеет важное значение для определения этнического происхождения гуннов-сабиров, так как конфликт сабиров с аварами заставляет нас перенестись из Предкавказья в степи Монголии, о чем еще будет сказано. Бегство сабиров от аваров, захват сабирами владений сарагуров, урогов и оногуров с большой вероятностью указывает на маршрут сабирской миграции — из Монголии через Южную Сибирь на Нижнюю Волгу, откуда они могли легко добраться до степей Предкавказья. Современник Малалы и описанных им событий Прокопий Кесарийский определенно указывает на район Терека, Ногайской степи и Западного Прикаспия как на территорию расселения сабиров в эпоху Юстиниана I [Procop. BP II. 29, 15; BG IV. 3]. Из сообщения Прокопия нам известно также, что некоторые соплеменники царицы Боа не подчинились ей и все-таки смогли добраться до Персии. В 530 г. армия персидского военачальника Мер-Мерое [PLRE III B, 884–885], разгромленная римлянами в конном сражении под Саталой, насчитывала в своем составе не только персов и армян, но также три тысячи сабиров, которые, по словам Прокопия, принадлежали к «воинственнейшему племени» [Procop. BP I. 15].

Исследование этимологии имени царицы Боа и других известных из византийских источников сабирских имен не приносит значительных результатов. Научная полемика, связанная с поиском подобных этимологий, подробно рассматривалась И. С. Чичуровым в комментариях к «Хронографии» Феофана [Чичуров, 1980, 77–79]. Отметим важнейшие этапы этой полемики. Отто Менхен-Хельфен полагал, что имя Боа представляет собой сокращение имени Боарекс (Βωαρήξ), которое приводится Феофаном [Maenchen-Helfen, 1973, 414]. Ученый подвергал критике гипотезу Дениса Синора, который предлагал искать германское, точнее готское, происхождение имени гуннской царицы на основании соотнесения ρήξ = reiks, войсковой король у готов [Sinor, 1948, 25–29]. С точки зрения исследователя, этимология имени Боарекс не выявлена [Menchen-Helfen, 1973, 442]. Франц Альтхейм утверждал, что этимология имени царицы восстанавливается на основании древнеэфиопской (геэз) формы Wārāks из «Хроники» Иоанна Никиусского, происходит из среднеперсидского языка и представляет собой форму Varahrān, Bahrām с суффиксом k [Altheim 1969, II 38] (= др.-перс. Vřθragna, авест. Vəgəθragna — «разбивающий препятствие»). Однако Отто Менхен-Хельфен считал искажением именно древнеэфиопскую форму Wārāks. Дьюла Моравчик высказал мнение о тюркском происхождении имени Боарекс от др.-тюрк. Bo-arıq

точно так же, как и о происхождении имени ее мужа Блаха от др.-тюрк. Balaq/Malaq [Morawcsik, 1958, II, 108; II, 85–86]. И. С. Чичуров склонялся к гипотезе Дьюлы Моравчика о тюркском происхождении имени Боарекс, ссылаясь на замечание Иоанна Никиусского о том, что имя гуннской царицы признается «варварским», а персы в VI–VII вв. варварами уже не считались [Чичуров, 1980, 77–78]. И. С. Чичуров высказывает мнение о возможной связи имени царицы Боарекс с названием реки Боас, которая протекала, согласно Прокопию Кесарийскому, возле Цанских гор и в долине которой кочевали сабиры [Procop. ВР II. 29. 14–15; Чичуров, 1980, 77–78]. Тюркское происхождение некоторых других сабирских имен засвидетельствовано Отто Менхен-Хельфеном, например тюркское происхождение имени Ἰλγερ, приведенного Агафием Миринейским в рассказе о боях за Археополь [Agath. III, 17]; [Menchen-Helfen, 1973, 409]. Имя вождя приазовских гуннов Μοῦγελ (= Μουάγερις) провоцировало дискуссии между сторонниками древнемадьярского происхождения этого имени и его алтайского происхождения [Menchen-Helfen, 1973, 418].

Нам представляется очевидным, что форма Βωαρήξ является неудачной «контракцией», т.е. в данном случае сокращением словосочетания Малалы «Βῶα ῥήγισσα» в неизвестных источниках Феофана, о существовании которых высказывал предположение И. С. Чичуров [Чичуров, 1980, 79]. Исходя из гипотезы Пауля Шпека, таким источником мог быть Георгий Синкелл [Speck, 2003, 513–514]. Необходимо учитывать, что возможное тюркское, согдийское, среднеперсидское, угорское или алтайское происхождение тех или иных сабирских имен никоим образом не является доказательством этнического происхождения самих сабиров. Ибо недошедший до нас источник Малалы приводил как сабирские имена, так и имена прочих варваров, опираясь на то, как звучали эти имена на lingua franca кочевников степей Северного Причерноморья. Подобными lingua franca в первой половине VI в. могли быть как тюркские (огурские), так и восточноиранские (аланский, согдийский) языки. Их употребление кочевниками в межэтническом общении никоим образом не мешало сабирской аристократии сохранять свой племенной язык, который, вероятнее всего, не был известен источнику Малалы. Например, Е. А. Хелимский доказал, что несколько позднее авары, захватившие паннонскую равнину во второй половине VI в., принесли с собой тунгусо-маньчжурский язык, несмотря на то, что основная масса их подданных разговаривала на тюркских (огурских) и славянских языках [Хелимский 2003, 3–12].

В настоящее время предположения о тюркском или согдийском происхождении этнонима сабиров (Σάβιροι), рассмотренные в цитированной выше работе Отто Менхен-Хельфена [Menchen-Helfen, 1973, 440], решительно отвергнуты. Проблема этнического происхождения сабиров после длительной полемики была успешно разрешена благодаря исследованиям синологов и тюркологов Поля Пеллио, Омельяна Прицака, Эдвина Джорджа Паллейблэнка и Питера Голдена [Pellio, 1934, 23–106; Pritsak, 1976, 17–30; Pulleyblank, 2000, 71; Golden, 2015, 333–368 (346–349)]. Эти востоковеды доказали, что сабиры представляли собой ветвь сяньбийцев, могущественного прото-монгольского племени. В древности сяньбийцы одержали победу над хунну, а затем стали основателями империи Северная Вэй в Китае (386–535) и Рураньского каганата в Монголии (330–555). С этой точки зрения сообщение Приска Панийского о том, что сабиры воевали с аварами, находит подтверждение. Сяньбийцы и рурань действительно боролись за власть в каганате. Сообщение Приска отражает реалии межплеменной борьбы в Рураньском каганате, выходцами из которого были не только сабиры, но и их враги авары, вторгшиеся в Восточную Европу позднее, в последние годы царствования Юстиниана I. Если Л. Н. Гумилев на основании сообщений секретаря императора Ираклия (610–641), Феофилакта Симокатты, вслед за М. И. Артамоновым утверждал, что авары, создавшие каганат в Европе, были «псевдо-аварами» вархонитами [Гумилев 1965, 67–76] и к монголам отношения не имели, то современные специалисты по истории кочевников евразийских степей, в частности С. Г. Кляшторный, Д. Г. Савинов и Питер Голден [Кляшторный, Савинов, 2005, 44–48; Golden, 2013, 43–36], полагают, что авары — создатели Аварского каганата были выходцами из Рураньского

каганата и отступали на Запад после падения каганата под ударами тюрков Ашина. Сообщение Феофилакты Симокатты о «псевдо-аварах» вархонитах следует интерпретировать как результат влияния на византийского историка VII в. придворной пропаганды периода первого Тюркского каганата, почерпнутой им из дипломатической переписки тюркского кагана с императором Маврикием (582–602). Если авары, изгнавшие сабиров, были монгольским или даже тунгусо-маньчжурским племенем, в таком случае происхождение сабиров следует также искать не среди угорских племен Урала, как полагал Л. Н. Гумилев, а именно в Монголии. Исследования лингвистов подтверждают правильность этой гипотезы и свидетельствуют о происхождении византийского этнонима Σάβιροι = * Sabir от китайского Xiānbēi 鮮卑.

Сяньбийская археология хорошо изучена, в частности известно, что сяньбийские кавалеристы, обладавшие в IV–V вв. сложным комплексом оборонительного и наступательного вооружения [Худяков, Скобелева, 2005, 7–224], стали массово применять металлическое стремя, что позволяло сяньбийской коннице на протяжении нескольких веков одерживать победы над кочевыми племенами Южной Сибири и успешно прогнать римской армии в начале VI в. Вероятно, металлическое стремя было заимствовано армией Восточной Римской империи не у аваров, а именно у сяньбийцев/сабиров еще до аварского вторжения. Ибо самые ранние находки металлических стремян на Балканском полуострове датируются второй четвертью VI в., т. е. эпохой Юстиниана I, но при этом они датируются периодом, предшествующим появлению в регионе аваров [Шувалов, 2014, 568–576]. Сяньбийская конница кроме металлических стремян отличалась превосходными конями, которые выращивались в табунах сяньбийских императоров государства Северная Вэй. Некоторые породы коней и элементы конского снаряжения ввозились сяньбийцами в Монголию из Сасанидского Ирана. Это способствовало укреплению культурных связей между императорами государства Северная Вэй и сасанидской династией [Müller, 2009, 181–193, 284–288; Hayashi, 2012, 158–167].

Прокопий Кесарийский сообщает, что во время войны между Юстинианом I и Хорвовом I Ануширваном (531–579) за Лазику, в 550 г., сабиры воевали как на стороне римлян, так и на стороне персов. Царь Лазики Губаз [PLRE III A, 559–560], союзник Юстиниана, заключил договор с аланами и сабирами и просил Юстиниана прислать сумму в размере трех кентинариев для уплаты новым союзникам, которые обязались не только оборонять Лазику, но также опустошить Иверию, дабы лишить снабжения персидскую армию [Проскор. ВР II. 29. 29]. Когда римляне осаждали персидскую крепость Петру, сабиры строили для римлян осадные машины, например переносные тараны. Позднее, весной 551 г., персидский военачальник Мер-Меро приказал сабирам, которые оказались на персидской стороне, построить аналогичные переносные тараны для штурма римской крепости Археополь [Проскор. В. G. IV. 14. 4–5]. Рассказ Прокопия является еще одним свидетельством в пользу сяньбийского происхождения сабиров. Довольно трудно представить, чтобы римские солдаты (!) учились искусству полиоркеттики у угорских или огурских племен, пришедших с Урала и никогда не осаждавших никаких серьезных форпостов. В то же время сяньбийцы, управлявшие северным Китаем уже на протяжении почти двух веков, в совершенстве владели инженерными принципами китайской полиоркеттики. Поэтому римское командование, а затем и персы могли прибегать к их помощи для сооружения легких осадных машин китайского образца. То обстоятельство, что приазовские гунны-язычники, по словам Малалы, так легко захватили хорошо укрепленный Боспор и перебили там римский гарнизон, также свидетельствует в пользу высокой боеспособности кочевников северного Причерноморья во второй четверти VI в., что можно объяснить сяньбийским влиянием.

В связи с этим первые внешнеполитические шаги Юстиниана I находят элементарное объяснение. В 527/528 г. Юстиниан подкупил сяньбийскую царицу Боа и использовал ее дружину в борьбе против тех гуннов северного Причерноморья, которые встали на сторону персов в только что начавшемся военном конфликте.

Христианизация приазовских гуннов, а не сяньбийцев царицы Боа, могла рассматриваться Юстинианом как инструмент военно-политической интеграции кочевников в Империю. При проведении этой христианизации Юстиниан мог опираться на военный потенциал сяньбийской царицы, заключившей союз с Империей. Союз римлян с сяньбийской царицей, а вовсе не алчность гуннских вождей Приазовья, мог стать решающим аргументом в пользу начавшейся христианизации гуннов в этом регионе в первые годы правления Юстиниана, которая столь ярко описана Малалой. Примечательно, что Малала упоминает неких идолов из серебра и электра, которые были переплавлены гуннскими вождями-христианами для проведения финансовых операций на Боспорском рынке. Переплавка этих идолов спровоцировала гнев языческих «иереев», переворот в кочевьях приазовских гуннов и последующее нападение гуннов на Боспор. Хорошо известно, что как хунну времен шаньюев, так и гунны в эпоху Атиллы исповедовали тенгрианство, культ Неба, который позднее существовал в Тюркском каганате и дожил у монголов до эпохи Чингисхана. Культ Тенгри не требовал почитания идолов из серебра и электра. Упоминание в источниках Малалы идолов из серебра и электра, которые были объектом поклонения у приазовских гуннов, свидетельствует о том, что эти гунны, также как и подданные царицы Боа, были сяньбийцами, а идолы из серебра и электра были статуями Будды. Ибо сяньбийцы, основавшие династию Северная Вэй в Китае, восприняли буддизм у покоренного населения. Всемирно известные статуи Будды и фрески в пещерных гротах Юньгана (雲崗石窟), возведенные начиная с эпохи правления сяньбийского императора Тоба Цзюнь (拓拔濬, 440–465), стали символом буддистского искусства этого воинственного народа [Watt, 2004]. Гуннские «иереи», поднявшие мятеж против своего обратившегося в христианство вождя, в действительности являлись буддистскими монахами, обитавшими в ставке сяньбийского хана. Имперская традиция сяньбийской культуры способствовала проникновению буддизма в те регионы, куда приходили сяньбийцы со своими кочевьями.

Малала характеризует сяньбийскую царицу Боа как «мощью и разумом подобную мужу» (ἀνδρεία καὶ πλῆθει καὶ φρονήσει). Эта характеристика повторяется Иоанном Никиусским, который называет царицу преисполненной «великой премудрости». Можно допустить, что подобное описание Боа было связано с тем, что сяньбийская царица, подобно многим правительницам кочевников евразийских степей, прекрасно владела боевым конем и руководила своей дружиной на поле боя [Худяков, 2017, 80–88]. Китайские источники сохранили свидетельства о том, что сяньбийские императрицы государства Северная Вэй ездили верхом на конях, подобно мужчинам, в сопровождении конвой из всадниц, закованных в доспехи. Сяньбийский женский костюм на китайских изображениях также свидетельствует о том, что верховая езда была для сяньбийских всадниц привычным делом [Müller, 2009, 181–193, 284–288; Müller, 2007, 84–107]. Феофан в своем рассказе о Боа идет еще дальше и пишет, что царица не только разгромила персидских союзников, но и убила одного из их вождей Глома, то есть дает возможность читателю допустить, что между Боа и Гломом имел место поединок (ἐν τῷ πολέμῳ ἔσφαξεν). Не исключено, что Феофан оказался в плену мифологических представлений об амазонках, которые повлияли на историю Томирис Геродота. Рассказ Малалы представляет собой несравненно более беспристрастное историческое повествование, которое оставляет вопрос о степени и формах личного участия Боа в боевых действиях на усмотрение читателя. Очевидно, если Боа сама командовала дружиной и руководила нападением на персидских союзников, как утверждает Малала, то ее личное участие в боевых действиях было необходимым условием успеха всего предприятия. Вместе с тем характеристика царицы Боа заставляет предположить, что непосредственным источником Малалы были не дипломатические протоколы, к которым хронист вряд ли имел доступ, даже проживая в Константинополе, а созданное на основе этих протоколов литературное произведение, посвященное началу царствования Юстиниана. Автором этого произведения мог быть выходец из Боспора, знакомый с местной литературной традицией, из которой

в свое время черпали сведения и анекдоты о кочевниках Лукиан и Полиен. Описание сянбийской царицы Боа в изложении источника Малалы сильно напоминает описание сарматской царицы Амаги и меотской царицы Тиргатао, зафиксированные в Боспорских хрониках на исходе эпохи эллинизма и пересказанные в эпоху императора Марка Аврелия (161–180) писателем Полиеном. Особенно очевидны параллели между образом Боа и образом Амаги.

Полиен Македонянин, автор, писавший на греческом языке, не оставил подробных сведений о своей биографии. Мы знаем о Полиене лишь то, что он жил в Риме в середине II в. по Р. X. Примерно в 163 г. Полиен посвятил императорам Марку Аврелию и Луцию Веру специальное сочинение по военной истории накануне похода против парфян, которое он назвал *Στρατηγηματα* — «Военные хитрости». Восьмая книга работы Полиена была посвящена выдающимся женщинам и мужам древней истории, как эллинской, так и варварской. Среди различных деятелей славного прошлого Полиен посвятил отдельную главу Амаге — царице сарматов.

Увлеченный своим повествованием историк писал, что Амага, «жена Медосакка, царя сарматов, простирающихся до Понтийского побережья, видя, что муж погряз в роскоши и пьянстве, сама часто вершила суд, сама же поставила и стражей страны, отражала набеги врагов и сражалась вместе с местными жителями, которым наносили обиду. И слава ее была блистательной среди всех скифов, так что и херсонеситы, живущие на Таврике, терпя бедствия от царя находившихся поблизости скифов, попросили у нее права стать союзниками. Она же вначале написала скифам, приказав удерживаться от нападений на Херсонес, когда Скиф это презрел, то, взяв сто двадцать человек наиболее сильных душой и телом, дав каждому по три коня, за одну ночь и один день проскакала тысячу двести стадий и, внезапно появившись перед царским дворцом, перебила всех, бывших перед воротами, а когда скифы были приведены в замешательство как бы неожиданным ужасом и считали, что пришли не столько, сколько они видели, но что их было гораздо больше, чем пришедших, Амага с теми, которых она имела, устремившись на дворец, и напав на Скифа, и убив бывших вместе с ним родственников и друзей, вернула землю херсонеситам, сыну же убитого вручила царство, повелев править справедливо и удерживаться от нападений на живущих по соседству эллинов и варваров, видя кончину своего отца» [Pol. Strat. VIII, 56, пер. А. К. Нефедкина]. По мнению А. Б. Егорова, М. М. Холода, А. К. Нефедкина и других авторов комментария к Полиену, «События, излагаемые Полиеном в связи с преданием об Амаге (*Ἀμάγη* от древнеперсидского *amāka* (ж.р.) — „сильная“, „могущая“), вероятно, датируются временем около 179 г. до Р. X.». Место первоначального действия — территорию царства Медосакка — М. И. Ростовцев определял, как область между Днепром и рекой Молочной [Ростовцев, 1915, 58]. Исследователи связывают описанные Полиеном события с общим мирным соглашением 179 г. до Р. X., завершившим войну понтийского царя Фарнака I с его малоазийскими соседями, Эвменом II Пергамским, Прусием II Вифинским и Ариаратом IV Каппадокийским [Polyb., XXV, 2]. В соглашение были также включены припонтийские полисы Гераклея Понтийская, Месембрия и Херсонес Таврический. В это же время были заключены договоры Фарнака I с Херсонесом Таврическим и Одессом (IOSPE. I, 402; IGBR. I, 40), показывающие также и опасения херсонеситов перед наступлением скифов. В договоре также упоминается вождь сарматов Гатал, что демонстрировало попытку использовать сарматов против наступающих скифов [Полиен, 2010, 560; Brodersen, 2010, 2–42; Доманский, Фролов, 1997, 184–186; Пальцева, 1988, 29].

Итак, сарматская царица Амага в то время, о помощи, адресованную ей греками Херсонеса, атаквала и разгромила скифов с небольшим отрядом из 120 конных воинов, прошедших с ней за сутки 1200 стадий по степям с тремя заводными конями. Если опираться на стадий, принятый в Птолемеевском Египте и в Риме (1 стадий = 185 м), получается, что Амага и ее отряд проделали за сутки 222 км (185 x 1200 = 222000 м). Если взять древнегреческий стадий (1 стадий = 178 м), пройденная дистанция составляет 213,6 км (178 x 1200 = 213600 м). Рейд завершился полной

победой Амаги и гибелью скифского царя. Фрагмент Полиена очевидным образом свидетельствует в пользу существования у сарматов Амаги боеспособной маневренной конницы. О царице Амаге не известно более ничего. Источники не сохранили ни дату ее рождения, ни дату ее смерти или гибели в бою. В дискуссиях высказывались предположения о связи между Амагой и женским царским погребением сарматского времени, найденным в Ногайчинском кургане (Крым) А. А. Щепинским в 1974 г. Однако погребение было датировано I в. до Р. Х., тогда как Амага, скорее всего, жила во II в. до Р. Х., на столетие раньше [Симоненко, 2007, 57–66; Симоненко 1993, 71; Зайцев, Мордвинцева, 2004, 19–23; Щепинский, 1977, 75–76]. А. В. Симоненко полагает, что в действительности курган следует датировать более поздним периодом, а именно рубежом I–II вв. по Р. Х. [Симоненко, 2007, 57–66]. Вероятно, погребение было связано с семьей Митридата VI Эвпатора и не имело к сарматской царице Амаге никакого отношения. К. Ф. Смирнов выдвинул предположение о том, что Амага была царицей роксоланов, чем и объясняются ее войны со скифами. Время жизни Амаги, с точки зрения Б. Н. Гракова, следует датировать периодом не позднее 150 г. до Р. Х. [Смирнов, 1984, 120; Граков, 1954, 28]. Участие армии в 50 тысяч роксоланов в Диофантовых войнах на стороне скифского царя Палака в 114–111 гг. до Р. Х. было упомянуто Страбоном [Strab. VII. 3.17]. Среди этих роксоланов могли быть сыновья и внуки дружинников Амаги. Как отмечает А. В. Симоненко, потомки раннесарматских племен — племен, которыми управляла Амага, — населяли степи северного Причерноморья вплоть до первой половины II в. по Р. Х. Анализ погребений I в. по Р. Х. свидетельствует о наличии интенсивных контактов сарматов с потомками позднескифского населения Северной Таврии и Крыма. Появление на этих территориях подбойных захоронений в позднесарматский период (II–IV вв.) говорит о наличии нового серьезного передвижения сарматских племен с территорий Поволжья и Подонья на территорию Таврии. В середине III в. фиксируется отток сарматского населения из степей центрального и северного Причерноморья на периферию, что А. В. Симоненко связывает с появлением готского племенного союза [Симоненко, 1993, 7–22]. Исследования надписей греческих городов северного Причерноморья в период I–III вв. по Р. Х., в частности анализ надписей Ольвии, предпринятый С. Р. Тохтасьевым, свидетельствуют о значительном увеличении сарматского населения региона [Тохтасьев, 2013, 565–607]. В эпоху императора Юстиниана I потомки романизированных сарматов, спасавшиеся от гуннского нашествия за крепостными стенами Боспора и других причерноморских крепостей под защитой римских гарнизонов, могли сохранить литературные произведения, которые во II в. служили источниками для Полиена и в VI в. послужили источником для Малалы. Этим обстоятельством и объясняются параллели в рассказе Полиена об Амаге и в рассказе Малалы о Боа.

Историческое значение союза, заключенного Юстинианом и сяньбийской царицей Боа в 527/528 г., заключалось в том, что сяньбийцы, до этого момента враждебные Восточной Римской империи, на протяжении последующих десятилетий оказались активно вовлечены в борьбу между Империей и Сасанидской Персией преимущественно на стороне римлян. Благодаря дипломатическим усилиям Юстиниана произошел раскол между царицей Боа и другими сяньбийскими ханами, которые придерживались проперсидской ориентации. Попытка христианизации сяньбийцев, предпринятая Юстинианом, очевидно, успеха не имела [Болгов, 1996, 103] и натолкнулась на сопротивление языческих «иереев», т.е. буддистских монахов. Сообщение о крещении гуннских вождей: Грода и его брата Мугеля, которое произошло одновременно или вскоре после договора Юстиниана с Боа, вынуждает поставить вопрос о возможном участии в этой миссии жены Юстиниана, императрицы Феодоры (490–548). Сирийский историк Иоанн Эфесский в своей «Церковной истории» сообщает о том, что позднее Феодора была инициатором крещения нубийцев и принимала в организации нубийской миссии самое активное участие [Ioan. Eph. HE IV. 6]. Сведения Иоанна Эфесского как в кривом зеркале отражаются в ряде эпизодов из биографии Феодоры, рассказанных Прокопием, который шаржированно изобразил

императрицу в образе *femme fatale*, распутной красавицы, фактически управлявшей внешней политикой Империи вместо Юстиниана [Procop. Anec. XVI. 1–5]. Даже если Прокопий был склонен преувеличивать влияние Феодоры в истории устранения готской королевы Амаласунты, тем не менее, активное участие Феодоры во внешне-политических предприятиях Юстиниана является непреложным фактом. Это обстоятельство дает нам основания предполагать, что, во-первых, быстрое крещение гуннских вождей Грода и Мугела было организовано при участии Феодоры, а во-вторых, Феодора могла от имени Юстиниана вести переговоры с царицей Боа. Кто мог острее, чем Феодора, почувствовать женским сердцем, понять, каким образом склонить Боа к союзу с Империей, какие подарки тронут сердце сянбийской царицы и направят ее против своих соплеменников Тюрангса и Глома?

Последствия дипломатических и культурных контактов между Восточной Римской империей и сянбийцами, заложенных при Юстиниане, проявились столетие спустя. Поздний византийский историк VIII в. патриарх Никифор сообщает, что в 629/630 гг. император Ираклий отправил свою дочь от императрицы Фабии, августу Епифанию, в качестве невесты к кагану Западного Тюркского каганата Тун-Джабгу (618–630), который к этому времени давно подчинил себе сабирских (сянбийских) ханов западного Прикаспия. Заключению беспрецедентного брака между римской августой и каганом предшествовала романтическая история, которая разворачивалась на фоне военного союза между Ираклием и каганом, направленного против персидского шаха Хосрова II Парвиза (591–628). Как сообщает Никифор, опирающийся на несохранившийся византийский исторический роман, еще в период боевых действий против персов Ираклий показал кагану портрет своей дочери, который тотчас воспылал к ней любовной страстью [Niceph. 1837, 18–19]. Портрет Епифании мог быть выполнен в фаянсовой технике, чем, вероятно, и объясняется его убедительность. В 630 г. Епифания была отправлена в ставку кагана, но не доехала до места назначения, ибо узнала об убийстве своего жениха и вернулась обратно в Константинополь [Niceph. 1837, 25]. Хотя Пауль Шпек отвергал реальность этой романтической истории и утверждал, что Никифор кратко пересказал некий византийский роман, не имевший ничего общего с действительностью, нам представляется, что более обоснована гипотеза Константина Цукермана, который доказывает подлинность сведений Никифора и видит в проекте тюркского брака Епифании исторический прецедент, опираясь на который, около 700 г. потомок Ираклия император Юстиниан II Ринотмет (685–695; 705–711), скрывавшийся в причерноморских степях, заключил брак с хазарской княжной Феодорой [Speck, 1997, 457–465; Zuckerman, 1995, 113–126; Zuckerman, 1997, 473–478]. Исследование рассказа Малалы о сянбийской царице Боа и о ее союзе с Юстинианом, направленном против персов в 527/528 г., дает нам возможность рассматривать этот союз в качестве важного дипломатического прецедента, имевшего значительные последствия. История дипломатических отношений Боа и Юстиниана позволяет нам определить возможные исторические истоки римско-тюркского договора, который век спустя был заключен Ираклием и привел к организации беспрецедентного брачного союза между римской августой и тюркским каганом.

Источники и литература

Источники

1. *Agathiae Myrinaei Historiarum Libri Quinque* / Hrsg. v. B. G. Niebuhr. Bonn, 1828.
2. *Ioannis Malalae Chronographia* / Hrsg. v. Iohann Thurn. CFHB XXXV. Berlin, New York: De Gruyter, 2000.
3. *Nicephori patriarchae constantinopolitani breviarium historicum* / Hrsg. v. Emmanuel Bekker. Bonn, 1837.

4. Polyaei Stratagematon Libri Octo / Hrsg. v. Iohann Melber. Leipzig: Teubner, 1887.
5. Polybii Historiae / Hrsg. v. Theodor Büttner-Wobst. Leipzig: Teubner, 1882–1904. Vol. I.
6. Prisci Panitae Fragmenta // Fragmenta Historicorum Graecorum / Hrsg. v. Karl Müller. Paris, 1851. Vol. IV.
7. Procopii Caesariensis Opera Omnia / Hrsg. v. Jacob Haury. Leipzig: Teubner, 1905–1913. Vol. I–IV.
8. *Schönfelder Joseph M.* Die Kirchengeschichte des Johannes von Ephesus. München, 1862.
9. *Strabon.* Géographie, par Aujac Germaine. Paris: Les Belles Lettres, 1966–2014. Vol. I–XV.
10. Theophanis Chronographia / Hrsg. v. Karl De Boor. Leipzig, 1883. Vol. I.
11. *Zotenberg Hermann Theodor.* Chronique de Jean, Évêque de Nikiou. Texte Éthiopien publié et traduit. Paris, 1883.
12. *Полиен.* Стратегемы / Под общ. ред. А. К. Нефедкина. СПб., 2002.

Историография

13. Болгов (1996) — *Болгов Н. Н.* Закат античного Боспора. Белгород: Изд-во Белгородского государственного университета, 1996.
14. Граков (1954) — *Граков В. Я.* Каменское городище на Днепре. М., 1954. 238 с. (МИА. № 36).
15. Гумилев (1965) — *Гумилев Л. Н.* Биография тюркского хана в «Истории» Феофилакта Симокатты и в действительности // Византийский временник. М., 1965. Т. XXVI. С. 67–76.
16. Доманский, Фролов (1997) — *Доманский Я. В., Фролов Э. Д.* Основные этапы развития межполюсных отношений в Средиземноморье в дорийскую эпоху (VIII–I вв. до н.э.) // Античное общество. Проблемы политической истории. СПб., 1997. С. 184–186.
17. Зайцев, Мордвинцева (2004) — *Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И.* К исторической интерпретации захоронения в Ногайчинском кургане // Археология. 2004. № 4. С. 19–23.
18. Кляшторный, Савинов (2005) — *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней передней Азии. СПб., 2005. С. 44–48.
19. Пальцева (1988) — *Пальцева Л. А.* Херсонес Таврический в V–I вв. до н.э. Л., 1988.
20. Ростовцев (1915) — *Ростовцев М. И.* Амага и Тиргатао // Bibliotheca Chersonessitana. Одесса, 1915. Т. 32.
21. Симоненко (1993) — *Симоненко А. В.* Сарматы Таврии. Киев, 1993.
22. Симоненко (2007) — *Симоненко А. В.* Стекланные и фаянсовые изделия из Ногайчинского кургана (к дискуссии о дате памятника) // Археология, этнография и антропология Евразии 2007. № 1 (29). С. 57–66.
23. Смирнов (1984) — *Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
24. Тохтасьев (2013) — *Тохтасьев С. Р.* Иранские имена в надписях Ольвии I–III вв. н.э. / Commentationes Iranicae: Сб. ст. к 90-летию Владимира Ароновича Лившица. СПб., 2013. С. 565–607.
25. Хелимский (2003) — *Хелимский Е. А.* Тунгусо-Маньчжурский языковой компонент в Аварском каганате и славянская этимология. Материалы к докладу на XIII Международном съезде славистов, Люблина, 15–21 августа 2003. Гамбург, 2003. С. 3–12.
26. Худяков, Скобелева (2005) — *Худяков Ю. С. Скобелева С. Г.* (ред.) Военное дело номадов Центральной Азии в сянбийскую эпоху: сборник научных трудов. Новосибирск, 2005.
27. Худяков (2017) — *Худяков Ю. С.* Женщины-воины у народов Сибири и Центральной Азии в древности и средние века // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, Филология. 2017. С. 80–88.
28. Чичуров (1980) — *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1980.
29. Шувалов (2014) — *Шувалов П. В.* Два железных стремени // KOINON ΔΡΟΝ: Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея В. П. Никонорова от друзей и коллег. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2014. С. 568–576.
30. Щепинский (1977) — *Щепинский А. А.* Сокровища сарматской знати // Вестник АН УССР. 1977. № 10. С. 75–76.

31. Altheim (1969) — *Altheim F.* Geschichte de Hunnen. Band II: Hephthaliten in Iran. Berlin: Walter De Gruyter & Co, 1969.
32. Brodersen (2010) — *Brodersen K.* Polyanos. Neue Studien. Berlin, 2010.
33. Golden (2013) — *Golden P.* Some notes on the Avars and Rouran // The Steppe Lands and the World beyond them. Studies in honor of Victor Spinei on his 70th birthday. Iasi, 2013. P. 43–66.
34. Golden (2015) — *Golden P.* The Stateless Nomads of Early Medieval Central Eurasia // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2015. Т. XX, 20. P. 333–368.
35. Hayashi (2012) — *Hayashi T.* Agriculture and Fortification of the Xianbei and the Rouran // Культурно-исторические процессы в Центральной Азии (древность и средневековье). In memoriam Yuri Zuev. Алма-Ата: ТОО Дайк-Прес, 2012. С. 158–167.
36. Martindale (1992) — *Martindale J. R.* The Prosopography of the Later Roman Empire, Vol. III A, B, A. D. 527–641. Cambridge, 1992.
37. Menchen-Helfen (1973) — *Menchen-Helfen O.* The World of the Huns. Studies in Their History and Culture. Berkeley, Los Angeles, London: California University Press, 1973.
38. Morawcsik (1958) — *Morawcsik G.* Byzantinoturcica. B. I, II. Berlin, 1958.
39. Müller (2007) — *Müller S.* The costumes of the Xianbei. 2007. P. 84–107.
40. Müller (2009) — *Müller S.* Horses of the Xianbei, 300–600 AD: A Brief Survey // Pferde in Asien: Geschichte, Handel und Kultur / Horses in Asia: History, Trade and Culture / Ed. by Bert G. Fragner, R. Kauz, R. Ptok et A. Schottenhammel. 2009. P. 181–193, 284–288.
41. Pelliot (1934) — *Pelliot P.* Tokharien et Koutchéen // Journal Asiatique. Paris, 1934. Vol. I. P. 23–106.
42. Pritsak (1976) — *Pritsak O.* From the Sábirs to the Hungarians // Hungaro-Turcica: Studies in honor of Jilian Németh. Budapest: Loránd Eötvös Univ., 1976. P. 17–30.
43. Pulleyblank (2000) — *Pulleyblank E. G.* Tribal Confederations of Uncertain Identity. The Hsiung-nu // Philologiae et Historiae Turcicae Fundamenta (= Philologiae Turcicae Fundamenta III) / Ed. by H. R. Roemer. Berlin: Klaus Schwarz, 2000. P. 52–101.
44. Sinor (1948) — *Sinor D.* Autour d'une migration de peuples au Ve siècle // Extrait du Journal asiatique (1946–1947). Paris, 1948.
45. Speck (1997) — *Speck P.* Épiphanie et Martine sur les monnaies d'Héraclius // Revue Numismatique. 1997. P. 457–465.
46. Speck (2003) — *Speck P.* Kaiser Leon III., Die Geschichtswerke des Nikephoros und des Theophanes und der Liber Pontificalis, T. III: Die Αποστασις Ρωμης και Ιταλιας und Liber Pontificalis. Ποικίλα Βυζαντινά 20. Bonn, 2003.
47. Watt (2004) — *Watt J. C. Y.* China: Dawn of a Golden Age, 200–750 AD. Comp. An Jiayao, Angela F. Howard, Boris I. Marshak, Su Bai, and Zhao Feng. New York: Metropolitan Museum of Art, 2004.
48. Zuckerman (1995) — *Zuckerman C.* La petite Augusta et le Turc. Epiphania-Eudocie sur les monnaies d'Héraclius // Revue Numismatique. 1995. P. 113–126.
49. Zuckerman (1997) — *Zuckerman C.* Au sujet de la petite Augusta sur les monnaies d'Héraclius // Revue Numismatique. 1997. P. 473–478.